

Исходя из этого, логично предположить, что в каком-либо из алтарей березовского костела на этих местах могли оказаться парные «шерешевские» скульптуры. Тем более, что святая Елизавета была небесной заступницей матери К.Л. Сапеги Елизаветы Радзивилл, а святая Екатерина – его бабки по материнской линии Екатерины Тенчинской. То есть, как святой Казимир, так и святые Екатерина и Елизавета входили в круг наиболее почитаемых в роду Сапег христианских образов, что с иконографической точки зрения также подтверждает нашу гипотезу.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII-ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

ART EDUCATION IN EASTERN BELARUS IN THE LATE 18TH –FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Трифонова Наталья Яковлевна
Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: художественное образование, коллекция, обучение архитектуре, скульптуре, живописи, мастерство

Резюме. В докладе рассматриваются некоторые аспекты художественного образования в Восточной Беларуси в конце XVIII-первой трети XIX века. В основу доклада положено рассмотрение деятельности школ, существовавших при православных и католических монастырях, а также светских учебных заведениях. Оно опирается на архивные материалы, которые помогли сделать выводы по исследуемой теме.

Keywords: art education, collection, architecture, sculpture and painting teaching, workmanship

Summary. The report examines some aspects of art education in Eastern Belarus in the late 18th – first third of the 19th centuries. It is based on a review of schools' activities that have existed at Orthodox and Catholic monasteries as well as secular educational institutions. The research is based on archival materials that helped to draw conclusions on the subject in question.

После 1772 г. процесс экономического, общественно-политического и культурного развития Восточной Белоруссии происходил в условиях единого с Россией государства. В области образования характерным явлением стало создание ряда народных училищ. В 1789 г. первые подобные школы были созданы в Могилеве, Полоцке, в 1794 - в Витебске. Свое значение в процессе образования в конце XVIII-первой трети XIX в. продолжали сохранять и учебные заведения, существовавшие при православных и католических монастырях. Проявлением характерных для Нового времени реформационных процессов явилось включение в учебную программу наряду с основными предметами художественного образования. Исследователи прошлого столетия и современные ученые лишь косвенно касались этого вопроса. Чаще других предметом изучения становились художественные традиции, сложив-

шиеся в полоцком иезуитском коллегиуме, а затем академии [12; 15]. Привлекая данные названных публикаций, а также архивных источников попытаемся охарактеризовать некоторые особенности процесса обучения рисовальному искусству и основам архитектуры в конце XVIII – первой трети XIX в.

Среди учебных заведений рассматриваемого периода надо выделить Полоцкий иезуитский коллегиум. После его реорганизации в 1812 г. в академию архитектура, живопись и скульптура преподавались на отделении свободных искусств. Следует сказать, что несколько ранее, в 1797 г., была организована кафедра рисунка и живописи в Главной виленской школе, с 1803 г. - университет.

Наряду с находившимися здесь произведениями искусства, в том числе картинами известного художника Ш. Чеховича (работал в Полоцке в 1770-1772 гг.), в процессе обучения использовалась коллекция гравированных чертежей и рисунков, в том числе по архитектуре и анатомии, о которой упоминается в исследовании В. Викентьева [1, с.46]. В предназначенном для занятий архитектурой зале находились модели сооружений. Результаты, достигнутые способными к рисованию учениками, представлялись на выставке в 1810 г. [15, с.31].

В 1768-72 гг. профессором архитектуры и руководителем строительных работ в полоцком иезуитском монастыре был Г. Ленкевич (1722-1798) [18, с.149]. О его таланте как педагога (с 1783 г. - ректора коллегиума) свидетельствует то, что он воспитал ряд известных в будущем архитекторов [14, с.329].

Обучению архитектуре, скульптуре, живописи в полоцком иезуитском коллегиуме большое внимание уделял приехавший в 1785 г. член ордена иезуитов, ученый, архитектор, художник Г. Грубер (1740-1805). В специально построенном им здании был организован музей. Как отметил Э. Растовецкий, выполненный Г. Грубером «... na murach kollegium farbami wodnemi widok daleko rozciągającego się korzytarza odznacza się taką znajomością perspektywy linearnej i powietrznej, iż patrzącym zupełne uwiedzenie sprawuje» [19, с.189]. Из творческого наследия мастера, возможно, испытавшего влияние Дж. Б. Пиранези, Д. Галли-Бабиенны, сохранилась выполненная по его рисунку гравюра, на которой запечатлен архитектурный вид [12, с.52-54]. В нем ощущается прекрасное знание автором законов перспективы, позволяющее передать грандиозность и величие архитектурного ансамбля.

Отчеты за 1814-1815 учебный год свидетельствуют, что рисунок наряду с архитектурой гражданской и военной в Полоцке преподавал Якуб Пирлинг (занимал должность провинциала) [15, с.32]. Обучением живописному ремеслу руководил Ефим Яковлевич Спажинский (около 1778-не ранее 1828), совершенствовавший свое мастерство у профессора виленского университета Франциска Смуглевича, а затем – в Академии художеств в Санкт-Петербурге [8, л.60]. Сохранившиеся работы Е.

Спажинского в области портретного жанра, отражающие характерные для того времени стилистические черты, свидетельствуют о высоком уровне мастерства, которое осваивалось учениками.

Одним из первых выучеников Полоцкой академии стал Валентий Ванькович (1800-1842), продолживший свое образование в Виленском университете у живописца Яна Рустема. Известно, что к моменту окончания шестого класса полоцкой академии он "już robił miniatury i portrety olejne z natury, dobrym rysunkiem i podobienstwem się odznaczające." [22, s.125]. Учеником академии был также Августин Недвецкий (умер после 1828 г.) [21, s.57]. В 1839 г. две или три его работы были отправлены в Санкт-Петербург [5, л.38].

Несколько позднее в Полоцком пиарском училище, созданном после закрытия в 1820 г. академии, первые профессиональные навыки получил Иван Фомич Хруцкий (1810-1885), учившийся впоследствии в Санкт-Петербургской Академии художеств. Его произведения, в первую очередь портреты и натюрморты, получили признание как на родине, так и в России. Годы его учебы совпали с преподаванием там упомянутого выше Е.Я. Спажинского. Известно, что вместе с учителем И.Ф. Хруцкий работал над созданием алтарных картин для доминиканского собора в Полоцке.

Школа при забяльском доминиканском монастыре, преобразованная в 1811 г. в гимназию, после 1772 г. являлась единственным неиезуитским средним учебным заведением на востоке Беларуси. Наряду с латынью, природоведческими курсами, математикой, внимание в ней уделялось преподаванию наук, которые имели практическое применение, в том числе архитектуре [13, с. 49]. В перечне предметов за 1831 г зафиксировано рисование и чистописание [7, л. 176 об.]. Несколько ранее (1821-1823 гг.) в ведомостях гимназии значатся учитель физики, а также Rysunków Zoologicznych ксендз Бонавентура Турчинский и учитель математики и Rysunków Topograficznych ксендз Ласковский [7, лл. 23 об.-24]. В архивных документах встречаются также имена преподававших рисунок Бонавентуры Хруцкого, Бернарда Лютекевича. Приведем немногочисленные сведения о первом из названных, которые могут представлять интерес в связи с изучением художественной среды, питавшей его знаменитого однофамильца Ивана Фомича Хруцкого, начинавшего в конце 1820-х гг. свой творческий путь. Так, в отчете за 1823-24 гг. указано, что Бонавентура Хруцкий, обучаясь в 1819-1820 гг. в виленской доминиканской школе, «brał nauki języka greckiego i rysunków malarskich» в Виленском университете [17, s. 877; 6, лл. 9 об.-10]. Любопытно, что это совпало с периодом обучения там упомянутого художника Валентия Ваньковича. Проявившееся в его творчестве виленского периода овладение приемами классицистической живописи отражало черты, характерные для стилистики работ других обучавшихся там студентов.

Как свидетельствуют архивные материалы, перечень предметов в оршанском доминиканском училище включал рисование и искусство по части живописи и топографии [6, л.31]. Один час рисования ежедневно на всех от-

делениях предусматривался и в последующие годы [6, л.70]. Требования к рисованию – «первоначальные правила топографических картин» [6, л.71 об.]. Согласно тому же источнику преподавание топографического рисунка велось на основе сочинения Юлиуша Кольберга, представлявшего атлас из восьми карт (Варшава, 1827) [6, лл. 68-71]. Одним из преподавателей рисования в оршанском училище (1825-1826 (1826-1827 ?) гг.) был Каэтан Кристинович, прошедший курс обучения математическим и физическим наукам в Виленском университете [6, лл. 41 об.-42].

Полоцкое уездное училище как образовательный центр характеризовался наличием учителей, получивших образование в университетах и академиях Москвы, Санкт-Петербурга, Вильно, Полоцка [2, с.23]. В нем имелись необходимые для обучения рисованию материалы – эстампы, картины [2, с.24]. Имя преподавателя немецкого языка и рисования полоцкого уездного училища Иосифа Михайловича Данилевича значится в формулярных списках за 1825 г. [8, л.47]. В 1834 г. эта должность была поручена Ивану Тюрину [9, л. 11]. В полоцком уездном училище некоторое время преподавал рисование выученик Академии художеств Рудольф Жуковский. Сохранились интересные документальные свидетельства его жизни и творчества этого периода. Так, находясь в Полоцке в 1837 г. он занимался «работами по исправлению образов для ... кафедрального собора» [10, лл.4-4 об.]. Среди пяти большеформатных произведений названа икона великомученика Стефана.

С Витебском были связаны последние годы представителя виленской художественной школы Ивана-Феофила Кислинга, преподававшего рисование в губернской гимназии с 1841 по 1846 г. [20, с. 413]. Из архивных документов известно, что после смерти этого мастера остались медные гравированные доски, графические и живописные произведения [11, лл. 15,16,30]. Несколько ранее в названном учебном заведении преподавал А. Бусырский, закончивший архитектурный класс Санкт-Петербургской Академии художеств и занимавший впоследствии должность могилевского губернского архитектора.

В начале 1830-х гг. учителем картографии и рисунка в могилевской гимназии был Казимир Ясевич, впоследствии обучавшийся в Санкт-Петербургской Академии художеств [16, с. 35]. О его мастерстве в области акварельного портрета свидетельствуют сохранившиеся графические произведения 1840-1850-х гг.

Отмеченные моменты при всей своей эпизодичности позволяют отчетливее проследить недостаточно изученную историю художественного образования в Беларуси конца XVIII-начала XIX в. Его уровень в разных учебных заведениях был различным. Большое внимание обучению живописи, скульптуре и архитектуре уделялось в Полоцкой академии, где для этого имелись соответствующие преподаватели. В начале XIX в. среди преподававших здесь живопись следует выделить Е. Спажинского, знакомого

с художественными приемами виленской и Санкт-Петербургской художественных школ.

Крупными образовательными центрами были также училища при доминиканских монастырях в Забялах, Орше, программа которых наряду с основными предметами включала художественное образование.

Мастера, связанные с такими художественными центрами как Вильно, Санкт-Петербург, преподавали рисование в светских учебных заведениях Витебска, Полоцка. Встречающиеся в архивных материалах упоминания об их профессиональной подготовке наряду с немногочисленными дошедшими работами дают представление о художественных вкусах, стилевой ориентации, которые учителя должны были прививать своим ученикам.

Способствуя раскрытию их творческого потенциала, для наиболее одаренных, например, воспитанников Полоцкой академии В. Ваньковича, И.Ф. Хруцкого, вошедших в историю белорусского и мирового искусства, обучение рисованию явилось школой профессионального мастерства.

Список использованной литературы

1. Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования / В. П. Викентьев. — Полоцк: Типография Х. В. Клячко, 1910. — 432 с.
2. Воднева І. П. Полацкае Дваранскае павятовае вучылішча / І. П. Воднева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы ...). — Полацк, 2009. — С.21-24
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.1781. — Оп.27. — Д.294 Визит Несвижского монастыря доминиканцев Слуцкого уезда Минской губ. 1804.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.1781. — Оп.28. — Д. 59. Дело о состоянии учебных заведений 1815-26, 1857 г.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.1430. — Оп.1. — Д.2582. Дело о разборе, описании и распределении между Петербургским и Московским университетами и другими учебными заведениями ведомств МНП, военного и духовного, книг из библиотеки, картин, икон, инструмента и мебели Полоцкого поиезуитского монастыря 1839 г.
6. Национальный исторический архив Беларуси НИА Б. — Ф.2272. — Оп.1. — Д.2. Книга исходящих бумаг из оршанского доминиканского училища 1823-1824 гг.; 1827 г.; 1829-1830 гг.
7. НИА Б. — Ф.2507. — Оп.1. — Д.1 Ведомости и отчеты о состоянии Забельской гимназии и конвикта Гильзено-Шадурских за 1820-29 гг.

8. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.2507. — Оп.1. — Д.6. Формулярный список учителей училищ Витебской губ. за 1825 г.
9. НИА Б. — Ф.3157. — Оп.1. — Д.30. Переписка с Министерством просвещения и Витебской дирекцией училищ о переводе учителя рисования Полоцкого уездного дворянского училища О. Данилевича в Динабургское уездное училище, увольнении и назначении на его место Тюрина. 1830-1834
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.3157. — Оп.1. — Д.298. Дело о происшествии, случившемся между диаконом Полоцкого кафедрального собора Сопкою и учителем рисования тамошнего дворянского училища Жуковским. 1837 г.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИА Б). — Ф.3157. — Оп.2. — Д.72 О передаче наследникам имущества, оставшегося после смерти учителя рисования Витебской гимназии Ивана-Феофила Кислинга 1846-1849
12. Рынкевіч Ул. Прышэлец з гістарычнай прасторы / Ул. Рынкевіч //Мастацтва. — 2005. — №4. — С.52-54.
13. Самусік А. Забельскі дамініканскі калегіум / А. Самусік //Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага р-на. У 2-х кн. Кн.1. — Мн.: БЕЛТА, 1999. С. 49-52.
14. Слюнькова И.Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. — М.; Прогресс-Традиция, 2002. — 600 с.
15. Brzeźgo B. Sztuki piękne w kollegium oraz Akademii OO. Jezuitów w Polocku w XVIII i XIX w. / Brzeźgo B. // Pr. Sekcji Historii sztuki T-wa Przyjaciół nauk w Wilnie. — 1939. — T. 3. — S. 30-39.
16. Derwojed J. Jasiewicz Kazimir / J. Derwojed // Polski słownik biograficzny. — Wrocław: Zakł. Narod. im. Ossolińskich, PAN, 1971.- T. XI.- 1964-1965. — S.35
17. Petkus V. Dominikonai lietuvos kultūroje / V.Petkus. — Vilnius: Petro ofsetas, 2004. — 1049 p.: iliustr.
18. Popłatek J Paszenda J. Słownik jezuitów artystów / J. Popłatek, J. Paszenda. — Kraków: Wydawn. Apostolstwa Modlitwy, 1972. — 299 s.
19. Rastawiecki E. Słownik malarzów polskich tudzież obcych w Polsce osiadłych lub czasowo w niej przebywających. — Warszawa: Nakł. autora, 1850. — T. 1. — 8, 334 s.
20. Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: Malarze, rzeźbiarze, graficy. — Wrocław: Zakł. Narod. im. Ossolińskich, PAN, 1971. — T. 3: H-Ki. — 1979. — 418 s.
21. Słownik artystów polskich i obcych w Polsce działających: Malarze, rzeźbiarze, graficy. — Wrocław: Zakł. Narod. im. Ossolińskich, PAN, 1971. — T. 6: N-Pc. — 1998. — 418 s.

**ВЫКАРЫСТАННЕ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ
СПАДЧЫНЫ ДЛЯ РАЗВІЦЦЯ ТУРЫЗМУ Ў РЭГІЁНАХ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ГЛЫБОЦКАГА РАЁНА)
THE USE OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE FOR
TOURISM DEVELOPMENT IN THE REGION
(FOR EXAMPLE, GLUBOKOE DISTRICT)**

Філіпчык Дзяніс Уладзіміравіч,
Мінск, Беларусь

Ключавыя словы: нематэрыяльная культурная спадчына, турызм, рэгіён

Рэзюме. У артыкуле разглядаюцца пытанні выкарыстання нематэрыяльнай культурнай спадчыны для развіцця турызму у рэгіёне на прыкладзе Глыбокага.

Keywords: intangible cultural heritage, tourism, region

Summary. This article discusses the use of the intangible cultural heritage for tourism development in the region by the example of Glubokoe.

Развіццё турызму ў рэгіёнах з'яўляецца прыярытэтным накірункам дзейнасці ў большасці краін, якія зацікаўлены ў развіцці турыстычнай індустрыі на сваёй тэрыторыі. Пашырэнне турызму ў сельскай мясцовасці і раёнах, аддаленых ад буйных гарадоў, спрыяе ўстойліваму развіццю рэгіёнаў. Пад устойлівым развіццём разумеецца гарманічнае развіццё, пры якім эксплуатацыя прыродных рэсурсаў, навукова-тэхнічны прагрэс, эканамічнае развіццё і развіццё асобы збалансаваны паміж сабой і накіраваны на ўзмацненне сучаснага і будучага чалавечага патэнцыялу [1].

З мэтай стварэння якаснага і канкурэнтаздольнага турыстычнага прадукту ў рэгіёнах мэтазгодна выкарыстоўваць нематэрыяльную культурную спадчыну (НКС). Паводле Канвенцыі ЮНЭСКА 2003 г. «Аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны» да НКС адносяцца «звычаі, формы прадстаўлення і ўяўлення, веды і навыкі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфакты і культурныя прасторы, якія прызнаюцца супольнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны. Такая нематэрыяльная культурная спадчына, якая перадаецца ад пакалення да пакалення, пастаянна ўзнаўляецца супольнасцямі і групамі ў межах іх навакольнага асяроддзя, ва ўзаемадзеянні з прыродай, і іх гісторыяй, а таксама фарміруе ў іх пачуццё самабытнасці і пераемнасці, садзейнічаючы тым самым павазе да культурнай разнастайнасці і творчасці чалавека» [2]. НКС найбольш ярка ілюструе культурныя адметнасці рэгіёна, з'яўляецца атракцыяй, здольнай прывабіць турыстаў. У сваю чаргу, выкарыстанне НКС у турызме можа спрыяць захаванню гэтай спадчыны праз пазітыўныя эфекты ад турыстычнай дзейнасці: усведамленне